

– подборка двенадцатая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 12

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию двенадцатый выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

1 тейвеса 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

---

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедальи, 5708 года (17.09.47 г.)²

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

---

² Дата написания записок, указанная самой ребецн.

Даже камни плясали!..

Затем наступил Суккос¹²³. Сукку мы построили сами и за свой счет, пристроив к нашей комнате подобие сеней — чтобы не пускать в дом холод, как мы объяснили хозяйке. Она попросила сделать там еще и крышу, однако мы сказали ей: сейчас на это нет денег, но к зиме, когда наступят холода, они, возможно, появятся, тогда доделаем крышу.

Еще через неделю был праздник Симхос Тойре. В этот день евреи танцуют со Свитками Торы, но у нас их не было... «Трудармеец» из Литвы¹²⁴, который приходил к нам на дневные праздничные трапезы, теперь стал сторожем и по ночам должен был дежурить в поле, охраняя урожай от воров, так что вечером мы с мужем остались вдвоем. Он помолился, потом начал читать *Гакофойс*¹²⁵... Я, увы, человек недостаточно красноречивый, чтобы передать всю гамму переживаний, которую выражало его лицо.

Муж произносил: «*Ато г'орейсо лодаас ки гаШем Гу гоЭлоким, эйн ойд милвадой!*»¹²⁶ — на тот же напев, что в Днепропетровске, в синагоге, где собирались сотни евреев, и у нас дома во второй вечер праздника, когда приходили только близкие, несколько десятков человек. И в синагоге, и дома в те дни были не просто танцы — казалось, камни начинали танцевать от царившего там веселья!

Похожего состояния мужу, несмотря ни на что, удалось добиться и сейчас. Он произносил все положенные отрывки, после каждой *гакофы* пел и танцевал (естественно, в одиночестве), напевая *нигун*, который в Днепропетровске называли «раввинским»¹²⁷. Между кроватью и столом было немного свободного места — там он и делал круги, произнося: «*Зах вейошор, г'ойшио но!.. Тов умеитив, онейну бейом корейну!*»¹²⁸ То была самая настоящая, чистейшая радость, слышимая в каждом слове, произносимом из глубины его сердца: «*Йодей махашовойс, г'ойшио но!.. Лойвеш цдокойс, онейну бейом корейну!*»¹²⁹ Я с трудом могла все это выдержать. Сидя в углу на деревянной табуретке, я наблюдала за мужем на протяжении его

¹²³ Как видно из предыдущего выпуска «Воспоминаний», здесь ребецн вспоминает о праздниках 5703 года (осень 1942 года).

¹²⁴ О нем рассказывалось в 11-м выпуске «Воспоминаний».

¹²⁵ Танцы с Торой в праздники Шмини Ацерес и Симхос Тойре.

¹²⁶ «Ты убедился воочию, что Г-сподь — Он Б-г, нет другого!» (Дворим, 4:35) — первый из отрывков Танаха, произносимых перед началом *Гакофойс*.

¹²⁷ См. сноску 85 в 9-м выпуске «Воспоминаний».

¹²⁸ «Чистейший и справедливый, спаси нас!.. Добрый и творящий добро, ответь нам в день, когда мы взываем к Тебе!» — из текста, произносимого на третьей *гакофе*.

¹²⁹ «Тот, Кому известны помыслы [всех творений], спаси нас!.. Великолепный в милосердии [Своём], ответь нам в день, когда мы взываем к Тебе!» — из текста, произносимого на четвертой *гакофе*.

танцев во время всех семи *гакофойс*, восхищаясь его величием, силой и любовью к Горе...

На следующее утро он так же жизнеутверждающе произносил: «*Сису весимху беСимхос-Тойре*»¹³⁰.

Праздники со слезами на глазах

Как уже упоминалось, в тот год¹³¹, в отличие от предыдущих, в нашем поселке оказалось довольно много эвакуированных евреев, практически полноценная община. В месяце тишрей, как известно, у большинства евреев — даже живущих в Советском Союзе, даже тех, кто в остальные дни года не столь ревностно соблюдает заповеди Торы, — религиозность усиливается. К мужу начали приходить люди, и наш дом превратился в центр еврейской жизни Чиили. Каждый шел со своими вопросами и просьбами — евреи из Бессарабии, Польши и множества других мест. В большинстве своем это были женщины, особенно из Бессарабии, откуда людей забирали в ссылку целыми семьями, но по дороге обстоятельства разлучали жен с мужьями... Они приходили с одними и теми же вопросами — о местонахождении своих мужей. У всех на сердце было очень тяжело и горько...

Лишь небольшая часть евреев попала сюда из Москвы и других крупных городов. Они были довольны тем, что оказались вдалеке от опасностей войны, к тому же, им удалось привезти с собой достаточно много вещей, часть из которых обменивалась на еду. Но даже они с трудом переносили тесноту жилищ и не слишком благоприятный климат. Некоторые из тех, что помоложе, пытались заниматься разнообразными гешефтами, но на них тут же начинали поглядывать косо, жизнь их становилась очень беспокойной...

Несмотря на все тяготы, на праздничные молитвы собралось немало людей. Увы, среди них не было благочестивых евреев, которых можно было бы поставить *шалиах цибу*, *бааль крия* или *бааль ткия*¹³². Это были люди не слишком грамотные, а многие — не очень-то и религиозные. Свиток Торы у нас тогда уже был, *шофар* я в свое время привезла из Днепропетровска. Моему мужу пришлось самому и читать Тору, и трубить, и вести молитву — отдавая этому служению себя целиком, в полном соответствии с

---

¹³⁰ «Веселитесь и радуйтесь в Симхос Тойре!» — отрывок, произносимый в утренней молитве праздника.

¹³¹ Ребецн снова возвращается к рассказу о последнем годе жизни мужа — 5704-м. Осенние праздники, о которых здесь говорится, по гражданскому календарю выпали на октябрь 1943 года.

¹³² Ведущий общественную молитву, чтец Торы по Свитку и человек, трубящий в *шофар*.

написанным: «Все кости мои скажут...»¹³³. Такой молитвы у него не было уже пять лет: в *миньяне*, в окружении множества людей, где каждый — в возвышенной чистоте и святости, со слезами на глазах... Это было непередаваемо!

Чтобы добраться от дома, где собирался *миньян*, до нашей квартиры, нужно было идти достаточно далеко, к тому же дорога сначала шла под гору, а потом в гору. На исходе Йом Кипура, когда муж, отмолившись весь день и успев еще и освятить новую луну, наконец вернулся домой, я с трудом его узнала — так исказилось его лицо. Но он был счастлив, что ему удалось провести *йомим нороим*¹³⁴ в точном соответствии — насколько это было возможно в тех условиях — с требованиями еврейского закона.

В первый день Суккос, к сожалению, уже нельзя было молиться в том доме, где прошел Йом Кипур, однако в следующие дни праздника удалось найти новое место для молитв. А радость Симхос Тойре я просто не могу передать словами. Песни, танцы и праздничное застолье были такими, что многие потом говорили нам: даже в прошлые годы, когда мы были дома, у нас не было такого веселого праздника! При виде моего мужа, пляшущего со Свитком Торы в руках, люди забывали о своих бедах — таково было его влияние на окружающих.

Несколько человек из числа молящихся устроили *кидуш* у себя дома, пригласив гостей. Такого размаха празднования не было ни в одном из окрестных городов — только в Чиили, где находился мой муж. Многие говорили, что никогда не забудут, как он вел себя в эти праздничные дни. И в самом деле, видя его во время молитв и праздничных застолий, можно было подумать, что этому человеку не довелось пережить страданий и лишений! Увы, физически он был уже в плохом состоянии, хотя дух его еще был крепок...

Плохая погода — виноваты евреи!

Закончились праздники, которые немного отвлекли от подавленного настроения и унылой будничности и дали возможность ощутить себя на более высоком духовном уровне. Началась повседневная жизнь, в которой не было интересных событий, заслуживающих упоминания.

В конце осени ударили сильные морозы, со снегом. По словам местных жителей, таких холодов не было уже лет тридцать. При

---

¹³³ Тегилим, 35:10.

¹³⁴ Дни между Рош га-Шоно и Йом Кипуром (1–10 тишрея).

этом они нередко добавляли, что плохую погоду принесли с собой жи́ды¹³⁵ ...

Поскольку обычно необходимости в отоплении жилищ не возникало, печей для обогрева в домах не устраивали. Стены делались из глины (на казахском — «саман»). Лето в таких домах переносится без особых проблем, а вот зимой в них холодно и сыро. По утрам, когда нужно было надевать ботинки или более привычные местным жителям валенки, они постоянно оказывались мокрыми. Пока обувь не высыхала и ноги не согревались, ходить было не очень-то приятно. Стены от постоянной сырости покрывались плесенью.

Я нашла еврейского печника¹³⁴, взявшегося устроить в нашей комнате небольшую печурку, на которой можно было бы варить и жарить и *сейм тайм*¹³⁶, как тут говорят, обогревать с ее помощью жилище. Но у мастера не было кирпича, а достать его было негде. Пришлось мне самой заняться этим. С помощью всевозможных ухищрений удалось раздобыть (именно раздобыть – купить не было никакой возможности) более сотни кирпичей, из которых, слава Б-гу, мастер в конце концов сложил печку в нашей комнате. Здесь я остановлюсь, поскольку вся эта история не заслуживает того, чтобы о ней рассказывали с такими подробностями.

Возникли новые проблемы. Во-первых, с топливом. Раздобыть его было нелегко, но с этим мы кое-как управились. Во-вторых, дымоход у нас был общий с хозяйкой дома. Когда затапливались обе печки, их дымы «встречались» в трубе и в результате весь дым шел в нашу комнату, находиться в которой становилось практически невозможно. После этого вся комната становилась черной от сажи.

Нам посоветовали не топить печь в одно время с хозяйкой. Обычно это помогало, но иногда на нее находили приступы ненависти к евреям, и она специально растапливала печь так, чтобы весь дым шел к нам в комнату. Впрочем, даже без этого у нас бывало полно дыма — особенно когда дул сильный ветер...

---

¹³⁵ Это слово в рукописи ребецн написано по-русски.

¹³⁶ Одновременно (англ. same time).